

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Свидание
на пороховой
бочке

Индия Кузнецова

Елена Логунова

Свидание на пороховой бочке

«ЭКСМО»

2015

Логунова Е. И.

Свидание на пороховой бочке / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2015 — (Индия Кузнецова)

Сотрудница рекламного агентства Индия Кузнецова с радостью согласилась на предложение подруги скататься под ее именем в необременительную командировку. Посетить по работе приморский парк развлечений – что может быть прекраснее? Но закончилась поездка вовсе не так радужно – Индию задержала полиция! А все потому, что у нее слишком доброе сердце, ведь именно она бросилась спасать упавшего в пруд человека. Как оказалось, он не просто поскользнулся, а покинул этот мир после удара шилом... Индия, конечно, ни при чем, но у нее документы на чужое имя, а значит, кто главный подозреваемый?.. Нарядившись в забытый аниматором костюм медведя, она сумела сбежать, и теперь осталась самая малость – найти настоящего преступника!

Содержание

День первый. Экскрементальное искусство и подозрительный красный «Пежо»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена Логунова

Свидание на пороховой бочке

© Логунова Е. И., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Автор предупреждает, что все описанные события и персонажи являются вымышленными, за исключением тех из них, в которых вам, ребята, будет приятно себя узнать.

День первый. Экскрементальное искусство и подозрительный красный «Пежо»

– Ну, не знаю, – сказал шеф, совершив пальчиками сложное движение, призванное распушить волосики вокруг лысины и одновременно как бы поправить воображаемую корону. – Конечно, не мне вас, ребята, учить...

– Ибо не царское это дельце, – ехидно шепнула мне на ухо Алка Трошкина.

– Но я позволю себе напомнить, что денек зарплатки приближается, а денежек в кассочке на всех не хватит, – закончил шеф.

Все посмотрели на бухгалтера Катю.

Бухгалтер Катя ни на кого смотреть не стала, лишь виновато потупилась.

Стало понятно, что шеф не врет.

В кабинете Бронича часто звучит горделивая фраза: «У нас нет проблемы с деньгами!» И это правда. Следите за мыслью: проблемы – с деньгами. То есть деньги и проблемы – они по определению вместе, как Ленин и партия. А если нет денег, то нет проблем с ними!

Логика пылеводонепроницаемая, как сейф. В нашем случае, к сожалению, пустой.

– Вот так всегда! – подвывающим голосом театрального трагика возвестил наш режиссер Вениамин. – Денег у нас нет, а дерьма – сколько хочешь!

– Всего-то пятьдесят две баночки, – живо возразил новый коммерческий директор Жора Горохов. – И ведь это не просто дерьмо, хочу напомнить, а выдающееся произведение зарубежного искусства!

Последовавший за этим заявлением хоровой стон Бронич совершенно правильно расценил как признак обструкции.

Трудовой коллектив объединился, препятствуя новациям коммерческого директора.

Горохов пришел к нам директорствовать из торгового центра, где зарекомендовал себя великолепным продажником, способным всучить покупателю, пришедшему за простым трехколесным велосипедом для сына, радиоуправляемую инвалидную коляску для деда.

Было яснее ясного, что такие выдающиеся успехи немыслимы без соответствующего уровня хитрости, наглости и беспринципности. В связи с этим первый же проект, предложенный Гороховым нашему рекламному агентству, умудренный большим жизненным опытом коллектив воспринял с нескрываемым подозрением.

И то сказать, идея была очень смелой. Жора предложил привезти и представить в нашей местной художественной галерее инсталляцию модного прибалтийского художника, уже изрядно нашумевшую и даже, честно сказать, навоюнвшую в просвещенных европах.

В готовом к представлению виде скандальное произведение представляло собой расставленные по кругу банки с испражнениями автора. На каждой емкости имелась красивая наклейка с подробным описанием рациона питания художника на стадии создания конкретно этого фрагмента общей картины.

Критики сочли идею концептуальной и шедевальной, интеллигентная публика валила на выставки густой толпой, и Жора Горохов, конечно, не мог упустить возможность зримо продемонстрировать новому работодателю, что он умеет заработать на любом дерьме. Буквально.

Бронич, надо отдать ему должное, еще не сказал свое веское «да». У него тоже был немалый жизненный опыт, а вдобавок к нему имелось чутье, которое подсказывало, что смелая идея пованивает. Хотя это понял бы каждый, осведомленный о содержимом баночек, в настоящее время полным ходом едущих к нам в особой фуре с запломбированными дверьми.

– Видали мы такие произведения! – фыркнул прямолинейный видеомонтажер Андрюха. – В сортире мы их мочили!

Острота была натужная, но таким же представлялся и творческий процесс, результатом которого стали полсотни высокохудожественных баночек.

Горохов поморщился.

– Если это не сделаем мы, сделают «Паруса»! – пригрозил он.

Бронич тяжело заворочался в кресле. Кресло высказалось в том смысле, что вот это никак не годится.

Рекламное агентство «Алые паруса» было прямым конкурентом нашего «МБС». При приеме на работу Горохову была поставлена стратегическая задача в обозримом будущем порвать «Паруса» в мелкие клочья, и шеф не мог не оценить приведенный Жорой аргумент.

– Машина уже едет, – напомнил коварный Горохов. – И если мы беремся за эту работу, то аванс будет на счету агентства как раз ко дню зарплаты.

А вот это был аргумент, который не могли не оценить сотрудники.

– Да ладно! – почесав трехдневную щетину, махнул рукой Андрюха. – В первый раз нам, что ли, лепить конфетку из этого самого?

– Кстати, знаете, я вот выяснил, что еще в 1961 году нечто подобное сделал итальянский художник Пьеро Мандзони, – сообщил Вениамин, которого за болтливость, непоследовательность и умение ловко вывернуться в коллективе запросто кликали Веником, Вентилям и даже Вентилятором. – Представьте: он собрал собственные фекалии в баночки, пронумеровал их, написал на каждой на трех языках «Стопроцентное натуральное дерьмо художника» и продал по цене золота той же массы!

– В самом деле? – одинаково заинтересованно спросили Бронич и Горохов.

– Представьте себе, да! В шестьдесят первом году баночки ушли по цене, которая в пересчете на современный курс евро составляет тридцать тысяч, а в две тысячи седьмом одну из них продали на аукционе «Сотбис» за сто двадцать четыре тысячи европейских денег!

– Какой рынок, а? – подпихнула я Горохова.

– В три дня не обгадить! – подхватил Андрюха.

– Мандзони утверждал, что своим проектом он привлекает внимание к доверчивости покупателей искусства, – добавил Веник. – Он так и заявлял: «Всем этим буржуазным свиньям нравится только дерьмо!»

– Вот и определилась целевая аудитория нашей выставки! – показательно обрадовалась Трошкина. – Теперь я буду знать, какое обращение использовать в приглашениях: «Многоуважаемая буржуазная свинья!»

– Знаешь, а ведь если после «свиньи» поставить копирайт, в ссылке указать авторство Мандзони и еще дать справочку о ценах на его дерьмо на Сотбис, никто не обидится, сойдет за особый шик! – против воли включилась в работу и я.

– Что ж, я вижу, мы достигли взаимопонимания, – подытожил шеф, небрежным жестом выметая народ из своего кабинета. – Ступайте, ребятки, и шлифуйте проектик.

– Вениамин и Андрей, с вас сюжет для телевидения, Алла, вы готовите анонс для рассылки и именные приглашения, а вы, Индия, начинайте писать хвалебные рецензии и раздавайте их газетчикам, – распределил работу повеселевший Горохов.

– А вы, Георгий, чем займетесь? – недружелюбно спросила я.

Не люблю, когда чужие люди называют меня Индией. Несмотря на то что это действительно имя, которым меня наградили любящие родители, да простится им этот страшный грех, за пределами узкого круга родных и друзей я предпочитаю скромно зваться Инной.

– А я поеду в музей, буду морально готовить сотрудников к большому культурному событию и принимать ценный груз.

– Вот это именно то, что я называю грязной работой, – не поднимая головы, с притворным сочувствием заметила Трошкина и подмигнула мне из-под кудрявой челки.

Остаток трудового дня я честно строгаля заготовки для будущих рецензий и к вечеру запасла с десяток таких болванок. Дополненные броским заголовком сверху и именем автора снизу, они легким движением руки превращались в готовые рецензии.

Право сочинения заголовков я, как обычно, оставила журналистам, чтобы они могли проявить фантазию и продемонстрировать фирменный стиль своего издания. Можно было ожидать, что канареечно-желтая газета «Живем!» в подражание Маяковскому броско озаглавит текст «Хочешь дерьма? На!», а помешанное на местной специфике региональное отделение информагентства «Интермакс» с тонким ехидством напишет, что «Европа удобряет кубанские черноземы современным искусством».

А вот у Трошкиной работа шла туго. Ничего более эффектного, чем незабываемое обращение «Уважаемые буржуазные свиньи», Алка не придумала, а с этим вариантом возникла неожиданная проблема. VIP-приглашения следовало сделать личными, а «свинья» как существительное женского рода однозначно годилась только для дам.

– Коллеги, не расходитесь, мне нужна помощь зала! – заволновалась Алка, видя, что я уже собираю вещички. – Подскажите, как обратиться к мужчине? «Уважаемый буржуазный свин Иван Иванович»? Это как-то не по-русски.

– Почему это не по-русски? – не согласилась я. – Вспомни Владимира Владимировича: «Вырастет из сына свин, если сын свиненок».

– Это когда наш Владимир Владимирович такое говорил? – Горохов посмотрел на украшающий красный угол портрет президента.

– Это другой наш Владимир Владимирович говорил – поэт Маяковский, – сказал Веник-Вентилятор и троекратно сморщил породистый нос, как бы показывая, что фи, фи и еще раз фи не знать творчество классика советской поэзии.

– Так что со свином? – нетерпеливо напомнила о себе Трошкина.

– Самец свиньи называется кабан, – авторитетно подсказал из затемненной аппаратной Эндрю. – Напиши: «Уважаемый буржуазный кабан», будет очень brutally.

– Есть еще синонимы: хряк, вепрь, секач, кнур и боров, – хихикая, подсказал всезнайка Веник. – Но тут имеются некоторые немаловажные тонкости. Хряк – это некастрированный самец домашней свиньи, боров – это кастрированный хряк, а кабан – это полноценный в сексуальном плане самец свиньи дикой. Таким образом, если назвать боровом мужчину с нормальной потенцией, это будет оскорблением. В то же время, тихий, спокойный образчик хомо сапиенс вряд ли может быть назван кабаном, он либо хряк, либо боров – тут надо знать подробности его личной жизни.

– Однако, – пробормотала Трошкина, почесав в затылке шариковой ручкой.

Чувствовалось, что интимные подробности свиноводства ее не вдохновили, а озадачили.

– Ты подумаешь об этом завтра, – подсказала я подружке, с намеком постучав ногтем по циферблату наручных часов.

– Завтра надо будет отдать приглашения в печать, – вздохнула Алка и придвинула ближе тетрадку с нарисованными на полях свиными рылами в профиль.

Я засмотрелась на ее рисунки. Это были вдохновенные каракули в стиле другого нашего поэта-классика – Александра Сергеевича Пушкина, который имел привычку иллюстрировать свои стихотворные строки женскими головками, нарисованными одним росчерком пера.

Трошкина не подражала Пушкину. У нее пока что вовсе не было строк, а профили она рисовала исключительно кабаньи, с чрезвычайно brutальными клыками, вроде бивней.

– Не жди меня, я останусь до победного конца! – печально сообщила мне художница.

– Ты, главное, не пади жертвой в этой борьбе, – посоветовала я, забрасывая на плечо сумку. – Всем пока, до завтра!

– Ага, пока... «Уважаемый буржуазный свинтус Иван Иванович», – забормотала Алка, погружаясь в работу. – А? Каково? Или так: «Уважаемый буржуазный самец свиньи»?

– «Уважаемый буржуазный объект свиноводства», – опередив меня на финишной прямой к двери, успела посоветовать бухгалтерша Катя, но ее скучный казенный стиль эстетка Трошкина сразу же отвергла презрительным «фу».

На улице шел дождь – настоящее стихийное бедствие для города с хронически неисправной ливневой канализацией и асфальтовым покрытием эротичного фасона «то ли есть, то ли нет».

Многочисленные ямки, канавки, рытвины и трещины уже заполнились жижей, по виду похожей на остывший кофе, а по запаху – на естественную среду обитания головастиков и пиявок.

Я с большим сомнением посмотрела на модельные туфли, названные лодочками отнюдь не за их мореходные качества. Медленно прокативший мимо меня эвакуатор с алеющей на горбу машиной погнал к обочине пенные волны, и я отпрыгнула.

– Подвезти? – со слоновьим топотом проскакав мимо меня по лужам, на ходу спросил Веник. – Ну, как хочешь!

Я открыла и снова закрыла рот. Если бы Веник действительно хотел меня подвезти, он дождался бы моего ответа, значит, вопрос был риторический – слабый выплеск остатков хорошего воспитания.

Грязевые фонтанчики из-под ног упитанного, но невоспитанного Веника озвучивали его путь бодрым плеском.

Я злорадно ухмыльнулась.

Продвигаясь к машине, Веник стремительно откатывался по шкале эволюции назад, в прошлое, а может быть, в одно из предыдущих своих воплощений, и все больше походил на грязную свинью. Художница Трошкина могла бы написать с него прекрасный портрет хрюка маслом.

И тут я внезапно вспомнила: масло! Свежайшее сливочное масло из буфета расположенной неподалеку мэрии!

Я купила его по наказу папули, который собирался готовить торт-суфле, в рецепте коего в большом количестве присутствует это самое масло. В моих собственных интересах позаботиться о том, чтобы данный продукт был максимально свежим. Папа как истинный кулинар-изобретатель склонен к риску и в порыве вдохновения запросто может пренебречь такой мелочью, как истекший срок годности одного из ингредиентов, а страдать потом нам, едокам!

Купленное в обеденный перерыв масло пребывало в холодильнике, холодильник – в кабинете шефа, а шеф – в огорчительном заблуждении, будто хорошие сотрудники никогда не дезертируют с линии трудового фронта в восемнадцать ноль-ноль.

То есть я не могла позвонить Трошкиной и попросить ее перед уходом с работы заглянуть к Броничу с реверансами и нежным лепетом: «Тут Кузнецова у вас свое маслице забыла...» Хрен я тогда получу, а не маслице и квартальную премию!

Единственным правильным решением было вернуться, положить сумку, снять куртку, стереть с туфель уличную грязь и самой зайти к шефу за маслом, как можно убедительнее изображая трудоголика, застигнутого приступом голода у станка. Тем временем, может, и дождь прекратится.

Подбодрив себя этой мыслью, я вернулась в здание, но не пошла прямо в офис, а сначала завернула в туалет. Тут надо сказать, что интерьерный дизайн нашего офисного здания не назвал бы роскошным даже Жора Горохов с его необычным чувством прекрасного. У нас все очень просто.

Лестничные клетки и коридоры здания являют строго выверенное соотношение синеватой побелки и ядовито-зеленой масляной краски. Метлахская плитка на полу дает исчерпывающее представление о популярном мозаичном искусстве середины прошлого века. Подоконники утыканы пластмассовыми горшками с геранью, а потолок – молочно-белыми плафонами,

которые отдалены один от другого на расстояние беспосадочного полета мухи и этими же мухами по мере сил украшены.

Данный стиль оформления помещений мой братец Зяма непочтительно определяет как «классический нищий совок».

Никаких проявлений буржуазной роскоши соответствующий интерьер не предполагает, а посему такое излишество, как большое зеркало, на нашем этаже имеется только в дамской уборной.

К нему-то я и поспешила, намереваясь поскорее заглянуть в волшебное стекло, чтобы показать язык своему отражению. Кто не знает – это самый надежный, проверенный веками способ поломать механизм невезения, который запускается в соответствии с поговоркой «Возвращаться – дурная примета».

Вообще-то я не суеверна, но действия вроде того, чтобы трижды плюнуть через левое плечо при встрече с черной кошкой, совершаю автоматически. Это у меня давняя привычка, отголосок пионерского детства, когда и языческие, и христианские ритуалы воспринимались как занятная экзотика.

Ладно, признаюсь: в молодые годы я даже сама сочиняла заговоры типа «Икота и рвота, перейди на Федота, с Федота на Казика, с Казика до тазика!» – и братец Зяма, он же Казик или Казимир, гонял меня за это, как экзорцист злую нечисть.

Шла я быстро, но все-таки не бежала. Иные люди (взять хотя бы того же Зяму после экстремальной дегустации папиного масляного крема) на короткой дистанции к туалету развивают существенно более высокую скорость. Тем не менее, когда дверь с изображением восьмой буквы русского алфавита неожиданно распахнулась передо мной сама собой, я едва успела затормозить и посторониться. А не успела бы – гражданочка, мухой вылетевшая из клозета, сбила бы меня с ног.

Я не рассмотрела эту стремительную особу. Она прошуршала мимо, обдав меня ароматом парфюма, таким густым, словно дама использовала концентрат благовоний, отличающийся от просто духов, как сгущенка от обычного молока.

Я зажмурилась и расчихалась, а когда открыла глаза и неодобрительно посмотрела вслед нещадно ароматизированной гражданке, она уже скрылась за поворотом лестницы.

Крепкий парфюмерный запах сохранился и в уборной, поэтому я не стала там задерживаться из опасения, что сама пропитаюсь этим сногшибательным амбре. Сунувшись к зеркалу, я деловито показала язык своему двойнику в серебристых глубинах, вышла из клозета и направилась в офис – открытым способом добывать из холодильника шефа ценное маслице.

Увы, я опоздала: Бронич уже ушел! Дверь его кабинета была заперта, и добраться до масла в отсутствие как шефа, так и бухгалтерши, располагающей запасным ключом, не представлялось возможным.

«А если выбить дверь?» – смело помыслил мой внутренний голос.

– А если шеф мне за это голову оторвет? – убоялась я.

«А откуда он узнает, что дверь сломала именно ты? Кто ему скажет?»

Я огляделась: в общей комнате никого, монтажка закрыта, свидетелей нет.

Хм, странно, почему же офис не заперт, если все разбежались?

И тут дверь открылась, и в комнату вошла задумчивая Трошкина. Движения у нее были замедленные, а выражение лица точь-в-точь такое, как перед началом красной контрольной по математике. Я хорошо запомнила его за годы, проведенные за нашей общей с Алкой школьной партией.

– Трошкина, – позвала я.

– А?

Она посмотрела на меня, поморгала, узнала:

– Привет, Кузнецова.

Я не стала напоминать ей, что мы сегодня уже и здоровались, и прощались. Каждый имеет право на ранний склероз. Но я пересчитала морщинки между бровями подружки – их было четыре. По десятибалльной шкале – высший уровень тревоги!

– Трошкина, что случилось?

– Случились? Да не дай бог, – невпопад ответила Алка и хрустко укусила ноготь.

Моя проблема с арестованным маслом сразу же перестала казаться по-настоящему важной. Благовоспитанная Трошкина, грызущая ногти, предвещала серьезную беду.

– Алка, не молчи! – попросила я, начиная волноваться. – Скажи, что стряслось?

– Нет, это ты скажи!

Рассеянный взгляд подружки сфокусировался на моем лице – в той самой точке, где у индийских танцовщиц и будущих жертв метких снайперов краснеет аккуратный кружочек. Я почувствовала, что лоб у меня зачесался.

– Расскажи мне, Кузнецова, о женщине в красном «Пежо»! – потребовала Алка.

– Это так важно? И именно сейчас?

Я подумала, что Трошкиной приспичило прогнать меня через какой-то тест наподобие тех, которые помещают на своих страницах популярные женские журналы, в стиле «Выясни свой тип характера», «Узнай свои паранормальные возможности», «Проверь себя на совместимость с любимым» и так далее. Девочки в офисе очень любят такие развивающие игры под утренний кофе с булочками.

– Это архиважно! – заявила Алка, глядя на меня, как Ленин на буржуазию.

– Да? Гм...

Я постаралась припомнить, что говорят о характере автовладельцев в связи с колером их машин те же журналы. Трошкина терпеливо ждала, прочно уставив свой лазерный взгляд чуть выше моей переносицы.

– Женщина на красном «Пежо» – чрезвычайно сильная личность, которая движется прямо к поставленной цели, – предположила я, стараясь говорить уверенно. – Окружающие нередко страдают от ее взрывного характера, ведь красный предпочитают люди властные и вспыльчивые. Наша дама – не меланхолик и не флегматик, она очень активна и выбрала автомобиль красного цвета, чтобы выглядеть более сексуальной.

– Вот спасибо тебе, Кузнецова, успокоила!

Трошкина всплеснула руками, упала на стул и подозрительно засопела.

– Эй! Ты что, реветь собралась? – Я уже совсем ничего не понимала. – Из-за какой-то мифической бабы на красной машине?!

Трошкина и сама счастливая автовладелица, у нее прелестный «Фольксваген-жук» солнечно-желтого цвета, характеризующего хозяйку транспортного средства как оптимистку, живущую по правилу «Что ни делается, все к лучшему» и принадлежащую к числу спокойных, счастливых, общительных, коммуникабельных и интеллигентных людей.

Во всяком случае, так было написано в журнале.

– Э-э-э-это не какая-то мифическая баба-а-а-а! – Счастливая оптимистка Алка и впрямь заревела. – Это Зя-а-а-а-амина ба-а-а-а-а-ба-а-а-а-а!

– В смысле? – тупо переспросила я, а в голове уже звонко щелкнуло, и картинка сложилась.

Все понятно, мой милый братец не удержался и снова взялся за старое! То есть, наоборот, за молодое и красивое, не связанное с ним такими серьезными и длительными отношениями, как Трошкина, официально пребывающая в статусе Зяминой невесты с тех самых пор, как он, мерзавец, публично поклялся любить одну лишь Аллочку.

Случилось это, кстати, не так уж давно, каких-то три или четыре месяца назад, но у записного ловеласа Зямы свое оригинальное ощущение времени, и я не раз уже слышала, как он жалуется, что Трошкина «маринует его целую вечность».

Эта выразительная кулинарная терминология расположила к страдальцу папулю, я же благородно держу сторону подруги, а наша мама сохраняет вооруженный нейтралитет. Мамуля еще не определилась, хочет ли она, чтобы Зяма женился и сделал ее тещей – персонажем анекдотическим и заведомо неприятным.

Скажу по секрету от бабушки: в ранних произведениях мамули, прославившейся своими романами ужасов, тещи – те еще монстры! Страшнее всяких зомби и вампиров.

Бабушка, кстати, вовсе не в курсе Зяминого скулежа, потому что он намного ниже ее порога чувствительности. Наша условно дряхлая старушка глуховата, и это спасает ее нервную систему от перегрузок. Мы, Кузнецовы, семейство беспокойное. Может, и не стоило бы тащить в наши ряды нежную Трошкину?

Я сочувственно и виновато посмотрела на всхлипывающую подружку, однако сочла своим долгом защитить непутевого братца:

– С чего ты взяла, что это Зямина баба?

– Я их виинииии...

– Ты их видела? – Я хладнокровно перевела животный рев на человеческий язык.

Трошкина кивнула, забрызгав бумаги на столе слезами.

– В постели?

– Нет!

Алка вскинула голову. На измазанном растекшейся тушью лице отразился священный ужас. С таким выражением слушают новые рассказы Баси Кузнецовой пацаны – добровольцы из дворовой фан-группы мамули.

– Ага, не в постели, – я обнадежилась. – А где же?

– В магазиинииии...

– В магазине? И что, они там покупали вино, продукты и презервативы для приватной вечеринки на двоих?

– Нет! – Трошкина рассердилась. – Это был ювелирный магазин!

– О... – растерялась я.

– Ты прекрасно знаешь Зяму, и я тоже его знаю, как облезлого! – горячо заговорила Алка.

– Как облупленного, – машинально поправила я, слегка поморщившись.

Мой брат, конечно, негодяй, но он нисколько не облезлый. Зяма настоящий красавец – это у нас фамильное.

– Мы Зяму знаем и понимаем, что довести отношения с ним до витрины с золотыми кольцами может далеко не каждая женщина! – продолжила Трошкина.

– Редкая птица долетит до середины Днепра, – согласилась я и присела на стульчик рядом с Алкой.

Черт побери, неужели Зямка решил жениться не на Трошкиной, а на какой-то совершенно посторонней бабе, о которой я ничего не знаю, кроме того, что она въедет в нашу семью на красном «Пежо»?!

– Так что ты о ней знаешь? – прочитала мои мысли подружка.

– Ничего, – неохотно призналась я. – Совсем ничего! Но это дело поправимое.

Я встала и забросила на плечо свою сумку, как вещмешок.

– Вставай, Трошкина! Бери шинель, пошли домой! Мы еще повоюем за твое счастье!

С Алкой мы познакомились в детской песочнице, и я ее я тоже знаю, как обле... Пардон, как облупленную.

Деморализованная Трошкина была бы мне плохим помощником в борьбе за построение новой ячейки общества с участием Зямы (но без участия посторонней бабы на красном «Пежо»).

Хорошим помощником деморализованная Трошкина была бы разве что уличному попрошайке: глядя на ее бледную зарезанную мордашку, добрые люди стали бы щедрее на

подавания. Поэтому я заботливо отвела подружку к ней домой, усадила на кухне, приготовила чай и сунула в одну протянутую ручку Трошкиной дымящуюся чашку, а в другую – шоколадный батончик.

– Сиди здесь! – велела я и пошла энергично ворошить фамильное гнездо Кузнецовых.

Птенчик Зяма сидел на кухне, разинув клювик: терпеливо ждал ужина. Папуля в переднике маскировочного окраса разминал голеностоп у плиты, на которой злобно шипели и шкворчали неукротимые сковородки.

– Всем привет! – сказала, как выстрелила, я и сразу же развернулась к братцу. – А некоторым еще и вопрос: колись, братишка, что это за история с бабой на красном «Пежо» в ювелирном магазине?

Согласна, формулировка не грешила точностью. Но Зяма явно понял, о чем я, и заерзал на диванчике.

Назревающему признательному «расколу» помешала мама, явившаяся в кухню вслед за мной.

– Что случилось, кто-то въехал в магазин на машине? – по-своему поняла она.

– Машина с бабой за рулем страшнее танка! – шовинистически высказался экс-полковник папуля.

– Где танки?! – с ходу взволновалась бабуля, ворвавшаяся в кухню на маминых плечах.

Она сунулась к окну, никаких бронемашин во дворе не увидела и немного успокоилась, пробормотав по инерции:

– А я говорила, аукнется еще Крым.

– Кстати, про Кючук-Кайнарджийский мирный договор по Крыму! – встрепенулся папа, всегда готовый поделиться бесценными сведениями из отечественной военной истории. – Великий русский полководец и дипломат граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский...

– О, боже, – вздохнул Зяма.

– Молись, молись, тебе придется нелегко, – зловеще пообещала я. – Я вырву из тебя правду каленым железом!

– И правда, Боря, ты изрядно перегрел сковородки! – вмешалась бабуля, общительность которой растет прямо пропорционально глухоте.

– Мама, я знаю, что делаю! – сдерживаясь, ответил папуля. – Я все-таки специалист!

– По танкам, – напомнила мамуля. – А где тут они?

Ей было весело. У нашей мамы шикарное чувство юмора, она может найти смешное в любой ситуации. В ее ужастиках полно комических моментов, и многие читатели особенно любят их именно за это. Хотя, скажу я вам, очень странно выглядит человек, радостно хихикающий в раскрытую книжку с горой черепов на обложке!

– Мы продолжим разговор после ужина, – пообещала я Зяме, понимая, что в присутствии родственников учинить братцу толковый допрос с пристрастием не получится.

Папа подал блюдо под названием «Куи по-перуански», приготовленное им по собственному рецепту.

– В оригинале была морская свинка, – оживленно сообщил он, наблюдая за едоками, и свое-временно похлопал по спине поперхнувшуюся мамулю. – Ешь спокойно, Бася, в этой версии кролик. А остальные ингредиенты были достаточно просты: кукурузная мука, красная луковица, помидор, картофель, тмин, острый соус из перца чили, лимон, растительное масло, соль, перец, и я оставил их без изменений. Только морскую свинку заменил.

– Свинина? – не дослышала бабуля. – Я же не ем свинину!

– Это морская свинина, – хихикнула я.

– Морепродукты я ем, – с достоинством согласилась она.

– Очень вкусный куи, – похвалил Зяма, шустро обглодав ножку кролика, который вполне успешно выступил дублером морской свинки. – Или вкусная? Или вкусное? Что нам скажет филолог?

Он подпихнул меня локтем, воспользовался моей минутной задумчивостью, чтобы стянуть с блюда последний кусочек куи, и в ответ на мой негодующий взгляд ехидно прошептал:

– Ни куи тебе!

– Фи, – поморщилась мамуля, которая услышала эту сомнительную шутку. – Казимир, веди себя прилично. Не выражайся за столом в кругу семьи.

– Я думаю, нам пора выйти из круга, – с нажимом сказала я Зяме.

– И перейти в пентаграмму? – вздохнул он. – Где я, лукавый бес, буду корчиться под ударами могучих заклинаний?

– Спиши слова, – невозмутимо попросила мамуля, подбирая хлебной корочкой вкусную перуанскую подливку. – Они мне пригодятся для новой книжки.

Родные давно привыкли к нашим с Зямой пикировкам и скорее насторожились бы, будь мы друг с другом милы и любезны.

– Стойте, дети! Вы еще должны попробовать чича-морада! – агрессивно потряс половником папуля.

– А что это? – опасливо поинтересовалась я.

Неизвестное «чича-морада» звучало зловеще. На месте мамули я бы и эти слова записала. Они так и просились в экзотический ужастик: «Старый перуанский колдун прохрипел: «О, чича-морада!» – и разразился зловещим кудахтающим хохотом». Как-то так.

– Чича-морада – это всего лишь сладкий напиток из красной кукурузы, фруктов и пряностей. – Папуля ловко наполнил стакан бурой жижей. – Пей, не бойся.

– Возьму с собой.

Я ловким пируэтом обогнула папулю и унесла стакан, намереваясь очень осторожно продегустировать любимый напиток старого перуанского колдуна в уединении. Без риска, что папуля заставит меня выхлебать это пойло все до капельки, даже если на вкус оно редкая гадость.

Через пару секунд меня настиг Зяма с таким же стаканом, который он держал на отлете, явно опасаясь, что чича-морада заморадит, тьфу, замазает его новые дизайнерские джинсы с аппликацией из молочной замши.

– Подержи. – Братец сунул свой стакан мне в руку, первым ворвался в мою комнату и бесцеремонно рухнул на диван.

– Встать, суп идет! – потребовала я, имея в виду папулину бурую чичу, она же морада.

От нее так или иначе необходимо было избавиться как можно скорее, чтобы наш родной кулинар не подумал, будто мы преступно пренебрегли дегустацией.

– Открой окно и закрой дверь!

– Понял.

Зяме не надо было объяснять, что именно я задумала.

Братец распахнул окно, закрыл и придержал своим телом дверь, а я перегнулась через подоконник и выплеснула жижу из стаканов с восьмого этажа, целясь в клумбу, на которой тетя Даша из пятой квартиры выращивает декоративные подсолнухи.

Кто не знает, исторически это растение родом из Южной Америки, значит, должно быть совместимо с перуанскими жидкостями в ассортименте. Авось, солнечные цветочки переживут однократный полив свежей чича-морадой.

– Все не выливай!

Зяма в два прыжка подскочил ко мне и с сожалением посмотрел на пустые стаканы.

– Эх... Считай, напросились на добавку! Папуля решит, что нам понравилось, и нальет еще.

– Полюем подсолнухи еще раз. – Я пожала плечами, закрыла окно и поправила занавеску. – Все, Зяма, садись и не отвлекайся на ерунду. Разговор у нас с тобой будет очень серьезный. Что это за новая баба на красном «Пежо»?

– Красный «Пежо», красный «Пежо», – забормотал братец, как бы напрягая память.

– Новая баба, новая баба! – сместила акцент я. – Кто она такая и почему вы с ней гуляли в ювелирном магазине?

– Ах, ЭТА баба!

Зяма не то изобразил, не то действительно испытал облегчение.

– Это моя клиентка, Тамара Руслановна Кулишевская, владелица сети гомеопатических аптек. Я оформляю ее новую квартиру.

– Кольцами?

– Стразами! У нее в межкомнатных дверях будут витражные стекла с камушками, и вот по поводу размеров этих камушков мы с Тамарой Руслановной никак не приходим к единому мнению. Она хочет вот такие! – Зяма пальцем начертил в воздухе ромб размером с воздушного змея. – А я говорю, что это будет китч!

– И вы пошли в ювелирный, чтобы выбрать камушки? – недоверчиво уточнила я. – Вы что, бриллиантами будете двери обклеивать?!

– Зачем бриллиантами? Кристаллами Сваровски.

– То есть жениться на этой самой Тамаре Руслановне ты не собираешься? – еще раз уточнила я. – Трошкина зря испугалась, что ты ей не верен?

– Она нас видела? – Зяма сморщился. – Ой-е-ей, как плохо...

– Не переживай, я сама поговорю с ней и все объясню, – пообещала я, преисполнившись симпатии к братцу, который, оказывается, вовсе не такая скотина, как мы с Алкой подумали.

Мне даже стало совестно, что я в нем усомнилась.

– Пойду к ней прямо сейчас! – Я потянула на себя ручку двери и увидела на пороге папулю с подносыком.

– Кому добавки? – провозгласил он.

Я оглянулась на Зяму – он сморщился – и проявила благородство:

– Давай, я Трошкину угощу.

Папа любезно открыл и придержал мне входную дверь, и я поплыла вниз по лестнице с чича-морадой навывнос. Трошкина уже успела запереться. Много лет подружка вовсе не имела похвальной привычки закрывать дверь на ключ изнутри, но мой братец перевоспитал ее в одночасье.

Как-то раз он ввалился в квартирку Аллочки без спроса и стука, в момент, когда хозяйка гнездышка имела некондиционный вид общипанной курицы. На лице у Трошкиной было кровавое месиво клубничной маски, на голове – лакированный термитник маски масляно-медовой, а на талии – пухлый, как спасательный круг, пояс для похудения. Все вместе преобразило милую Аллочку настолько, что Зяма, охнув, пробормотал:

– Пардон, бабуля, а Алки дома нет? Тогда я позже зайду.

И сконфуженная «бабуля» даже не решилась его окликнуть. С тех пор подружка запорными механизмами не пренебрегает, отчего попасть к ней в дом бывает затруднительно.

Поскольку руки у меня были заняты подносом с чича-морадой, позвонить я не могла и постучала в дверь пяткой. Импровизированное соло на барабане вызвало некую реакцию только после мощного крещендо.

– Это кто стучит ко мне? – прокричала подружка, открывая дверь.

Я развернулась и вплыла в прихожую подносом вперед.

– С чем-то бурым в стакане? – опасливо договорила Алка, вешая телефонную трубку и косясь на чича-морadu.

– Это мексиканское народное пойло, возможно, тебе понравится, – я вручила ей подносик. – С кем болтала?

– С твоей бабушкой, – Трошкина унесла угощение на кухню. – Тебе, едва ты ушла, звонила девушка с овощной фамилией!

– Какая именно? Репина?

– Бабушка не помнит! – Трошкина вернулась. – А у тебя разве много овощных знакомых?

– Даша Репина, Вера Огурцова и еще жена Василия Буракова, не помню, как ее зовут...

Да ну их всех в сад! – Я решила не гадать: кому надо, тот перезвонит. – Давай-ка я тебе лучше про бабу на красном «Пежо» расскажу. Как я и думала, ты зря переживала: эта «пежонка» – Зямина богатая клиентка, и в ювелирном магазине они выбирали кристаллы Сваровски для отделки интерьера. Вот и все.

– Правда? – Трошкина недоверчиво прищурилась. – Тогда объясни мне, зачем эта баба приходила к нам в офис?

– Когда это? – спросила я, пройдя в комнату и устроившись на диване.

– Да сегодня! – Алка тоже рухнула в кресло. – Вы все ушли, а я письмо-приглашение свинтусам писала. И тут она – р-раз! – и распахнула дверь. Посмотрела на меня странным взглядом, зловеще объявила: «Это вы, Алла? Вы-то мне и нужны!» – и тут же снова дверь захлопнула. Я посидела, посидела, выглянула в коридор – а там никого.

– Ну? – не дождавшись продолжения, я покачала тапкой. – И чем же это не сочетается с версией о богатой клиентке с большими причудами?

– Она пришла ко мне! Зачем и почему? – Трошкина тряхнула локонами, и взгляд у нее стал острый, как циркуль: точно так отличница Аллочка выглядела в школе, у доски, где щелкала задачки, как орешки. – По-моему, все ясно: эта баба имеет виды на Зяму. Она узнала, что у него есть невеста, выяснила, кто она и где работает, и явилась, чтобы выяснить отношения.

– А чего ж не выяснила?

– Вот уж не знаю! Я бы выяснила! Если бы только она не убежала...

Я развела руками:

– Алка, по-моему, твоя версия высосана из пальца. Баба хоть и назвала тебя по имени, но ничего не сообщила о своих намерениях. Может, у нее к тебе совсем другого рода претензия, не по части раздела Зямы? А может, вообще не претензия. Может, она представитель лотереи и пришла объявить тебе о выигрыше. Или член секты, в которую хочет тебя заманить. Или сборщица подписей под феминистским манифестом. Я могу еще сто таких версий придумать! Давай подождем какого-то развития событий.

В прихожей соловьем защелкал телефон.

– О! Какое-то развитие событий! – обрадовалась Алка и полетела к аппарату.

Но это оказалось совсем другое развитие: звонила наша бывшая коллега Маруся Сарахова.

– Тебя, – разочарованно выдохнула Трошкина, помахав телефонной трубкой.

Я подошла к аппарату, но прежде, чем начать разговор с Марусей, спросила Алку:

– Это Сарахова-то овощная девушка?

– На «арахис» похоже, – пожала плечами подружка.

– Арахис – орех!

– А вот и нет, он из семейства бобовых!

Я закатила глаза и прилепила трубку к уху.

– Инка! Какое счастье! Я знаю, ты меня спасешь! – с места в карьер заблажила экспрессивная Маруся.

Любопытная Трошкина бессовестно приникла к трубке с другой стороны.

– У меня сейчас нет денег, – торопливо заявила я, предположив, что Марусе, которая всегда живет очень бурно и не по средствам, снова потребовался заем.

– Тем более! – не обескуражилась моя собеседница. – Я отдам тебе половину, только помоги!

– Половину чего? – шепотом просуфлировала Трошкина, которая всегда рассудительна и практична, если только речь не идет о ее взаимоотношениях с Зямой.

– Какую половину? – по-своему спросила я.

– Бóльшую! – вскричала Сарахова с ударением на первый слог.

– Так не бывает, – пробормотала отличница Трошкина. – Половины – они одинаковые.

Я отодвинула зануду-зубрилку плечом и спросила:

– Насколько бóльшую?

– Шестьдесят на сорок, – быстро ответила Маруся.

– Семьдесят на тридцать, – не согласилась я.

– Ты же не знаешь, о чем торгуешься! – схватила за голову Алка.

– Ладно, шестьдесят пять на тридцать пять, – вздохнула Маруся. – Итого твоих примерно три-дцать восемь. Идет?

– Да. – Я успокаивающе похлопала по плечу нервно подпрыгивающую Трошкину. – Теперь скажи, чего именно тридцать восемь?

– Попугаев, – мрачно буркнула Алка.

– Тысяч рублей, конечно, чего же еще? – Маруся вроде удивилась. – Или ты думаешь, мне в евро платят? Да пока нет, не доросла я до гонораров в валюте.

– Так, значит, это гонорар, – логично рассудила я. – Прекрасно. А за что?

– За то, что ты займешь мое место, конечно! Или ты спрашиваешь, за что мне гонорар? О, ра-зумеется, за работу, которую, впрочем, придется сделать тебе.

– Нормально! – Я искренне возмутилась. – Я, значит, сделаю твою работу за половину твоего гонорара?! По-твоему, я вдвое менее ценный специалист?!

– А ты не хочешь спросить, что это за работа?! – зашипела неугомонная Трошкина.

– Шестьдесят пять процентов – это гораздо больше половины! – напомнила Маруся.

– Ищи дурака, – фыркнула я.

– Инусь, ну ладно, ладно, я отдам тебе семьдесят процентов! Даже семьдесят пять! – заскулила Сарахова. – Больше никак, мне ведь еще «Боярыне Морозовой» придется откатить!

– Кому-кому?

– Да кадровому агентству! Я же не могу отказаться просто так, это сильно испортит мою репутацию! – Сарахова вздохнула. – Ин, подумай, пятьдесят тысяч! Соглашайся, я знаю, что это твоя зарплата за месяц!

– Ладно, согласна, – сказала я, и Трошкина снова схватила за голову. – Теперь рассказывай, что мне придется сделать за этот полтинник. Кого-то убить?

– А ты можешь? – Маруся неподдельно заинтересовалась. – Я думала, это стоит гораздо дороже...

Тут Алка не выдержала и вырвала у меня трубку:

– Сарахова, криминальная ты личность, сбавь скорость! Я не позволю тебе втянуть Кузнецову в авантюру! Живо рассказывай, что ты затеяла, и помни, что тебе пока что дали только предварительное согласие!

– О, Трошкина! – Маруся, как ни странно, обрадовалась Алкиному вмешательству. – Ум, честь и совесть Кузнецовой!

– Уж так прям и ум, – пробурчала я, вытягивая шею и ухо, чтобы лучше слышать.

– Девчонки, нам надо встретиться и все обсудить, – донеслось из трубки. – Как насчет «Суши Луши», через час-полтора? Я приглашаю.

– Я «за»! – крикнула я.

Не упускать же возможность вкусно поужинать за чужой счет? На папины мексиканские корма я не особо налегала и чувствовала себя вполне в силах уплести еще что-нибудь.

– Договорились, в восемь в «Суши Луши», – закончила предварительные переговоры Трошкина.

В такси по дороге в ресторан мы с подружкой бурно дискутировали о том, кто из нас с ней лучший дипломат, и чуть не поссорились, но в итоге пришли к мировой, договорившись, что обе и в подметки не годимся графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому.

У Жоры Горохова выдался трудный день, перетекший в сложный вечер.

Упакованные баночки импортного художественного дерьма имели вид, габариты и вес отечественного овощного ящика.

– Брутто тридцать три кило, – предупредил Жору водитель почтового фургона, пряча в планшет чин чином оформленную расписку в получении ценного груза.

– Брутто, брутто... Как-нибудь допру-то! – небесталанно срифмовал Горохов, радуясь тому, что дело движется.

С помощью почтового водителя он перегрузил увесистый ящик в свою машину и бережно, чтобы не растряссти содержимое баночек, повез искусство в городскую художественную галерею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.